

01.09.1998

Николай САВЕЛЬЕВ, очарованный зритель

## Голос

Теперь он принадлежит миру. Выступления расписаны на пять лет вперед и в самых престижных залах планеты. Король и королева Испании, принц Чарльз и покойная Диана, Питер Устинов и многие другие знаменитости засвидетельствовали ему свое восхищение. Он нечасто бывает у себя в доме под Лондоном. Еще реже приезжает и сюда – на родину в Красноярск. Его горло – тончайший барометр, инструмент, безошибочно реагирующий на чистоту воздуха. А этим Красноярск похвастаться не может. Как признавался сам Хворостовский, он здесь немеет и глохнет. И все же королевский подарок – один концерт в двух отделениях подарил Дмитрий Хворостовский землякам.

Я приехал в день выступления. Наудачу позвонил по его домашнему телефону, который он когда-то давал мне, еще не будучи звездой. С тех пор прошло десять лет, и номер телефона, к счастью, не поменялся. Трубку поднял концертмейстер Михаил Аркадьев: «Извините, но в день концерта Дмитрий ни с кем не разговаривает», - стал он объяснять мне. Но, услышав, что когда-то я первым в центральной прессе рассказал об удивительном певце, концертмейстер смягчился: «Попробуйте встретиться во время или после концерта».

В 18.30 большой концертный зал был полон. Публика – сразу и не определишь. Красивые женщины и девушки ослепляли улыбками и украшениями. Братаны в рубашках, расстегнутых до пояса, с массивными золотыми цепями, держались вольготно. Один ловкач ухватил сразу двух блондинок, и те повизгивали, когда тяжелая лапа касалась их ребрышек. Были и скромно одетые люди. Но мало. Говорят, что в свободной продаже билетов практически не было. Афиш – тоже.

Хворостовский - это событие. Приехал Виктор Астафьев. К нему подходили, донимали вопросами и предлагали сфотографироваться. Он поменялся со мной билетами и ушел в глубину зала. Мы уселись на престижные места и вскоре были потревожены служащими концертного зала: «Вы на своих местах?» Легкое замешательство было вызвано одним обстоятельством. Вскоре появился губернатор Лебедь с супругой и охраной. Я догадался, что, по замыслу дирекции, генерал и писатель должны были сидеть рядом.

Погасли огни, и вышел Хворостовский. Он запел, и этот суматошный, дерганый мир вдруг задрожал, растаял, как мираж, словно и не было. Лишь чистый голос властвовал в этом зале. Он вбирал в себя каждого человека, возносил наверх мучений и опрокидывал в бездну мучений и страданий. Он пел Гуно, Верди...

Не зная итальянского языка, лишь вслушиваясь в страстный тембр, страдаешь и умираешь

вместе с певцом, Сколько ярости в этом голосе! Усмири свое исступление, певец, поберегись. Вот-вот разорвется твое сердце и лопнут струны горла. Но нет, голос льется легко и мощно. Это буря, которая сметает на своем пути все. Когда-то в студенчестве преподаватель показал ему на горло и сказал: «Дима, тебе Боженька сюда посадил птичку». Птица распрямила крылья.

Он пел «Застольную Гамлета». И вновь сколько экспрессии в голосе и лице! Да ведь это и есть Гамлет уходящего XX века. Хворая, истерзанная недугом мать Россия. Все тонет в фарисействе. Вечные вопросы без ответа.

Все новые и более трудные заоблачные вершины мировой классики исполнял он в зале. Да, можно лишь догадываться о титаническом труде короля оперы. Репертуар второго отделения состоял в основном из произведений русских композиторов: Чайковский, Рубинштейн.

В свое время в краевом театре оперы и балеты он исполнял партию Онегина. И голос тогдашнего 27-летнего певца звучал нежно и печально. «А счастье было так возможно, так близко...» Тогдашние его поклонники – студенты Института искусств сидели на галерке. Именно к ним чаще всего обращался его взгляд. И, кажется, им отвечал он полупоклоном на безумные овации.

Он прежнего Хворостовского, пожалуй, осталась одна лишь детская забавная привычка. После удачного исполнения, вслушиваясь в рокот аплодисментов, он трогает пальцами крылышки своего носа. Тронет – и тут же отдернет пальцы.

Многое изменилось в России за годы, что Хворостовский за границей. Но трансформировался и его образ. Пресса более всего навредила. С чьей-то легкой руки пошел гулять образ «секс-символа». Американский журнал растиражировал сообщение о том, что Хворостовский входит в пятерку красивейших мужчин планеты. Что же, красоты не отнять. Русская, татарская, немецкая кровь вылепила его мужественный облик. Бог сплеча и щедро дал ему все. Да не зря говорится: «Кому много дается, с того много и спросится».

Хворостовский и Россия. Вернее, Россия без Хворостовского. Вот в чем вопрос. Я прошел по Красноярску. Ни в одном музыкальном магазине нет записей альбомов, дисков этого певца. Нет на родине, а что говорить о других городах страны? Вездесущая фирма «Филипс» распространила этот голос по всему миру, но не в России. Поэтому не случайным мне показались его высказывания о том, что он уйдет со временем в духовную музыку. Несомненно, что и общение со Свиридовым напитало его новыми струями. Концерт закончился. Под цветы нужно было отправлять две-три машины. Зал встал и не отпускал певца. Он исполнил еще две песни. А зал по-прежнему не расходился. Все ждали «Ноченьку». Стих рояль, умолк зал. Одиноким русский человек то ли рассказывает, то ли жалуется осенней ноченьке на свою горемычную долю: «Ох, ты, ноченька, ночь осенняя». Доверчиво так... И когда доходит рассказ до зазнобушки, то голос передает такую жгучую тоску, что становится не по себе: «Есть зазнобушка, да и та со мной не в любви живет». Последнее слово песни он и не поет вовсе. Это ночной ветерок подхватывает и уносит слово.

Он всегда, будь то в Италии или Америке, заканчивает концерт русской песней. И пока он так поет, то остается с Россией. Губернатор Лебедь подарил самый красивый букет роз. Он

ничего не говорил и правильно делал. Тут слова бессильны. Деятели от культуры вручили Хворостовскому портрет. На портрете слащаво-глянцевый человек лишь отдаленно напоминал певца.

Хворостовский увидел портрет, брови недоуменно прыгнули вверх. Он тоже попытался скрестить руки. Вышло комично. Мне нужно было сходить за кулисы и переговорить с певцом. Но туда нагрянули губернатор, свита, охрана. Намечался банкет. И там уже не было бы ни Онегина, ни Гамлета. А мне не захотелось разрушать тот волшебный идеал, который я только что видел на сцене.

Я надеялся поговорить с ним завтра. А назавтра он улетел....